



ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

№ 7.

1863.

1 Апрѣля.

Святаго Отца нашего Іоанна Златоустаго ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА СВЯТУЮ ПАСХУ.

Кто благочестивъ и боголюбивъ, тотъ пусть насладится симъ святымъ и великолѣпнымъ торжествомъ (Лук. 14, 17). Кто рабъ мудрый, тотъ пусть съ радостію увидетъ въ радость Господа своего (Мат. 25, 21). Кто утрудился отъ поста, тотъ пусть возьметъ нынѣ динарій (Мат. 20, 13). Кто работалъ съ перваго часа, тотъ пусть получить нынѣ должную плату. Кто пришелъ послѣ третьяго часа, тотъ пусть благодарить и веселится. Кто поспѣшилъ придти послѣ шестаго часа, тотъ пусть не беспокоится; ибо онъ ничего не лишится. Кто замедлилъ до девятаго часа, пусть и тотъ приступитъ безъ всякаго опасенія. Кто даже успѣлъ придти только въ одинадцатый часъ, пусть и тотъ не

страшится своего замедленія. Ибо Домовладыка благороденъ и щедръ: приемлетъ и послѣдняго, какъ перваго; упокоиваетъ пришедшаго въ одиннадцатый часъ также, какъ и трудившагося съ перваго часа. Онъ и о послѣднемъ милосердствуетъ, и о первомъ печется; и тому даетъ, и сему даруетъ; Онъ и о дѣлахъ радуется, и намѣренія съ любовію приемлетъ: и дѣйствию воздаетъ честь, и расположеніе хвалить.

Итакъ всѣ войдите въ радость Господа нашего!—Первые и послѣдніе, получите награду! Богатые и бѣдные, ликуйте другъ съ другомъ! Трудившіеся и нерадивые, почтите настоящій день! Постившіеся, веселитесь нынѣ!—Трапеза обильна: всѣ насыщайтесь!—Телецъ великъ и упитанъ: никто не уходи голоднымъ! Всѣ наслаждайтесь на пиршествѣ вѣры! Всѣ пользуйтесь богатствомъ благодати! Никто не жалуйся на бѣдность; ибо для всѣхъ настало царствіе. Никто не плачь о грѣхахъ своихъ; ибо изъ гроба возсіяло прощеніе. Никто не страшись смерти; ибо отъ ней освободима насъ смерть Спасителя. Объятый смертію истребилъ смерть; Сошедшій во адъ расхитилъ адъ, — и огорчилъ того, который коснулся Его плоти. Давно предузнавъ сіе, воскликнулъ Исаія: *Адъ огорчился, встрѣтивъ Тебя въ преисподнихъ* своихъ (Ис. 14, 9).—Онъ огорчился: поелику упраздненъ. Онъ огорчился поелику поруганъ. Огорчился: поелику сокрушенъ. Огорчился: поелику связанъ. Онъ взялъ плоть, а принялъ (въ ней) Бога; взялъ землю, а нашель въ ней небо Онъ взялъ то, что видѣлъ: а подвергся тому, чего и не ожидалъ.

Смерть идь твое жало? Адъ! идь твоя побѣда (Кор. 15, 55)? — Христось воскресъ: и — ты низложился. Христось воскресъ: и — пали демоны. Христось воскресъ: и — радуются Ангелы. Христось воскресъ: и — водворяется жизнь. Воскресъ Христось: нѣтъ ни одного мертваго во гробѣ. Ибо Христось, воскресшій изъ мертвыхъ, *начатокъ умершимъ бысть* (1 Кор. 15, 20). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

НА ВЕЧЕРНИ ВЪ 1-й ДЕНЬ СВ. ПАСХИ,

О СМЫСЛѢ И ЗНАЧЕНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ПАСХАЛЬ-
НАГО БОГССЛУЖЕНІЯ.

Христось воскресе!

«Мы не знаемъ, гдѣ мы были, на небѣ или на землѣ», — говорили послы просвѣтителя нашего отечества Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра, выслушавъ богослуженіе въ Софійскомъ Константинопольскомъ храмѣ. Не извѣстно въ какой день эти предки наши слушали богослуженіе во Святой Софіи; знаемъ только, что и всякое вообще праздничное богослуженіе Православной Церкви величественно и усладительно. Но какъ между праздниками годовыми самое высшее мѣсто занимаетъ праздникъ Пасхи, такъ и между службами церковными самое торжественное служеніе есть служеніе пасхальное. Кто и изъ насъ, братъ, не восхи-

щался пасхальнымъ богослуженіемъ? Кто, созерцая величественные обряды, слушая восторженные пѣсни Св. Церкви, не ощущалъ въ себѣ какой-то не земной радости и не переносился своимъ духомъ въ міръ горнихъ силъ? Кто и нынѣ, стоя въ этомъ храмѣ, *не жидьлз*, подобно посламъ Св. Владимира, *на небеси стояти*? Но брат., богослуженіе Православной Церкви будучи усладительнымъ для нашихъ чувствъ, вмѣстѣ поучительно для нашего ума и сердца. Каждая священная вещь, каждое церковное дѣйствіе имѣетъ свой смыслъ и свое значеніе—изображаетъ собою или предметъ міра невидимаго, или какое либо событіе изъ царства благодатнаго. Поэтому намъ, послѣ того, какъ уже насладились почти всеми службами настоящаго дня, не неприлично остановить вниманіе на смыслѣ и значеніи выслушанныхъ службъ, или частіе — на смыслѣ и значеніи особенностей этихъ службъ.

Въ полночь, по преданію Церкви, воскресъ изъ мертвыхъ Христосъ Спаситель (89-е прав. 6-го вселен. собора); въ полночь собрались и мы въ этомъ священномъ храмѣ. Взоръ нашъ срътилъ здѣсь тоже священное изображеніе страждущаго Господа, какое мы видѣли и вчера, и ухо наше огласилось тѣми же трогательными пѣснями, коими оглашаемо было и вчера на утреннемъ богослуженіи, когда мы воспоминали погребеніе Жизнодавца; но это печальное священнодѣйствіе не долго продолжалось. Священнослужители, воздавъ плащаницѣ подобающее поклоненіе, скрыли ее отъ взоровъ нашихъ, положивъ впрочемъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ она обыкновенно хранится въ продолженіи года, а

на престолѣ. Положили ее на престолѣ, а не на обыкновенномъ мѣстѣ храненія, безъ всякаго сомнѣнія для того, чтобы видимымъ образомъ изобразить ту истину, что Христосъ Спаситель не тотчасъ по воскресеніи вознесся на небо, но въ теченіи сорока дней пребывалъ на землѣ. Въ теченіи сорока дней Онъ являлся избраннымъ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ; въ теченіи сорока дней и плащаница будетъ зрима преемниками избранныхъ учениковъ — строителями и служителями таинъ. По прошествіи сорока дней Господь вознесся на небо; по прошествіи сорока дней и плащаница взята будетъ отъ престола и положится на обыкновенномъ мѣстѣ своего храненія.

Вскорѣ по окончаніи печальнаго священнодѣйствія, которое служило, такъ сказать, заключеніемъ всѣхъ трогательныхъ священнодѣйствій протекшей седмицы, весь храмъ, въ знаменіе духовной свѣтлости наступающаго торжества, озарился обильнымъ свѣтомъ вещественнымъ; мы всѣ возжгли свои свѣчи; возжены были свѣтильники и предъ святыми иконами..... Изъ алтаря послышалась пѣснь: »Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесѣхъ«..... Пѣснь отрадная, но приближавшая только насъ къ началу нашего торжества и утренняго богослуженія, а не полагавшая оному въ строгомъ смыслѣ начала. Это была еще молитва, чтобы Воскресшій сподобилъ насъ прославлять свое воскресеніе чистымъ сердцемъ, а вмѣстѣ и видимое изображеніе того, что происходило на небѣ въ то время, когда мракъ и тишина облегли Иерусалимъ и его окрестности, а скорбь и уныніе наполняли сердца Апо-

столовъ и св. женъ, преданныхъ Господу. Глубокому сну предавались Иерусалимляне; внимательно бодрствовала римская стража у живоноснаго гроба; неутѣшной скорби предавались души вѣрующіе; — а между тѣмъ въ странахъ горнихъ совершалось уже свѣтлое торжество: лики безплотные, какъ ближайшіе зрители дѣлъ Божіихъ, прославляли Воскресшаго Жизнодавца. Затворенные врата алтаря, обыкновенно изображающаго собою небо, пѣніе въ немъ молитвенной пѣсни одними только Священнослужителями, представляющими собою иногда Ангеловъ, — не ясно-ли изобразили предъ нами это премірное и свѣтлое торжество, бывшее въ свое время тайною для міра дольняго? —

Изъ земнородныхъ первые удостоились получить вѣсть о воскресеніи св. жены Муроносицы и удостоились получить оную не въ Иерусалимѣ, а въ саду благообразнаго Іосифа, у самаго живоноснаго гроба, къ которому ходили онѣ *зло за утра, еще сущей тьмѣ*. Вотъ и мы, въ образѣ муронищицъ, въ слѣдъ за священнослужителями вышли изъ храма, какъ бы изъ Иерусалима, и, обшедъ, оный кругомъ, остановились въ притворѣ, какъ бы при входѣ во гробъ, и здѣсь, послѣ обыкновеннаго предначитательнаго утренняго возгласа, въ первый разъ услышали: «Христось воскресе», — и начали свое духовное торжество, а вмѣстѣ и утреннее богослуженіе.

Чѣмъ же мы стали прославлять Воскресшаго и насъ съ собою воскресившаго? — Тѣмъ же, чѣмъ нѣкогда прославляли Господа сыны Израилевы. Они, избавившись чуднымъ образомъ отъ тяжкаго рабства Фараонова и

перешедъ не мокрыми ногами воды морскіе, воспѣли Господу Спасителю пѣснь хвалы и благодарности. И мы, послѣ неоднократнаго повторенія пасхальнаго тропаря, вошли во храмъ, и стали пѣть пѣснь хвалы и благодаренія,—пѣснь, которая обыкновенно называется канономъ и состоитъ изъ девяти частныхъ пѣсней, или отдѣловъ. Торжественно пѣли свою пѣснь Израильтяне: Маріамъ предназначала, а хоры женъ оглашали весь сонмъ спасенныхъ и берега моря (Исхода 15, 20 и 21); торжественно воспѣта была и нами своя пѣснь:—Священнослужители предназначали, а лики продолжали и оканчивали предначатое; весь храмъ наполнялся радостными звуками, въ души всѣхъ проливался восторгъ.

Но очевидно, что самыми отрадными и свѣтлыми минутами въ жизни Апостоловъ и первыхъ послѣдователей Воскресшаго были тѣ минуты, когда Господь самъ являлся имъ и удостоивалъ своего лицезрѣнія; и вотъ священнослужители для болѣе живаго возобновленія въ нашей памяти этихъ отрадныхъ минутъ и для приближенія оныхъ къ нашему сердцу, по уставу церкви, неоднократно обходили весь храмъ съ побѣднымъ знаменіемъ, свѣчами и кадиломъ. Неоднократно предносимый крестъ указывалъ на неоднократное явленіе Господа, а благоуханіе кадила и свѣтъ свѣчей изображали самую радость, которая наполняла души Апостоловъ при явленіяхъ Господа. А чтобы никто небылъ чуждъ яснаго разумѣнія смысла и цѣли этаго священнодѣйствія, Священнослужители, благоухая насъ каденіемъ, обыкновенно возглашали: «Христось воскресе»!

Не кратка быма пѣснь чудно перешедихъ черное

море; не кратка была и наша пѣснь. Она почти одна составляла все наше утреннее богослуженіе и замѣняла собою не только всѣ обыкновенныя ветхозавѣтныя чтенія и пѣсни, но и самое Евангеліе, будучи сама выразительнымъ Евангеліемъ. Но при всемъ томъ, кто изъ насъ брат., не знаетъ почти всю эту пѣснь на память и кто по временамъ не поетъ ее даже дома! Такъ она усладительна для нашего сердца и поучительна для ума! И подъ какими простыми, удобопонятными, и между тѣмъ прекрасными образами представляются въ ней величіе Искупителя и Его неизреченныя благодѣянія роду человѣческому! Вотъ Ходатай Бога и человѣковъ выходитъ изъ гроба, какъ прекрасное солнце, и вотъ съ появленіемъ этого солнца исчезаютъ мракъ и буря грѣховная, начинается струиться источникъ нетлѣнія, прозябаетъ чудный виноградъ Божественнаго веселія; всѣ мы, какъ уже благодатные дѣти Божіи, приглашаемся вкушать новые плоды, пить новое питье и свѣтло ликовать и веселиться предъ лицемъ Господа Искупителя (2-й стихъ 4-й пѣсни, 1-й стихъ 3-й пѣсни и Ирмосъ 9-й пѣсни, Ирмосъ 3-й пѣсни, 1-й ст. 8-й пѣсни, 2-й ст. 1-й пѣсни и 2-й ст. 5-й пѣсни). Не близки ли эти образы къ нашему сердцу?—Неудобопонятенъ ли смыслъ оныхъ?.... Кажется эта пѣснь вдругъ, мгновенно излилась изъ облагодатствованной души новозавѣтнаго нашего Давида—Св. Іоанна Дамаскина, который обогативъ Православную Церковь многими и разнообразными канонами, не оставилъ безъ надлежащаго украшенія и свѣтлый день настоящаго торжества.—

Прославивши Воскресшаго и съ собою все воскресшаго, мы, какъ бы по естественному свойству чувства радости, стали привѣтствовать другъ друга съ неизреченнымъ торжествомъ и привѣтствіе свое запечатлѣвать лобзаніемъ. Знаменательно было и то лобзаніе, которое мы давали другъ другу при вступленіи въ святую четьредесятницу; но нынѣшнее цѣлованіе гораздо знаменательнѣе и выше. То означало только наше собственное, личное незлобіе и примиреніе; а это, кромѣ сего, означало и тотъ миръ, который принесенъ на землю Самимъ Воскресшимъ—миръ съ Богомъ, Ангелами и всѣми людьми;—означало, что, въ слѣдствіе смерти и воскресенія Избавителя, мы всѣ содѣлались, какъ и были нѣкогда, дѣтьми Божиими, друзьями Ангеловъ, братьями между собою, составили одно благодатное Царство, одну духовную семью, глава и отецъ коего Самъ Господь. «Обычное содѣваемъ цѣлованіе, говорится въ церковномъ изъясненіи нынѣшняго праздника, «радость образующе, ею же естество наше «милосердія ради милости Божія обогатися, такожде и «вражды разрушеніе: и еже съ Богомъ соединеніе и «съ самими Ангелами показующе» (синаксаръ на утр.) Блаженъ тотъ, кто давая ближнему столь многозначительное и священнотайственное цѣлованіе, полагалъ твердое намѣреніе истреблять изъ сердца своего корень всякой вражды—грѣхъ! Постоянная радость о Духѣ Святомъ будетъ наградою за таковой трудный и спасительный подвигъ.—

При взаимныхъ привѣтствіяхъ и лобзаніяхъ иные изъ насъ дарили другъ друга яйцами. Обычай святой и зна-

менательный! Основаніе ему положено въ самой глубокой Христіанской древности. Святая Марія Магдалина, представъ, по вознесеніи Господа, предъ Римскаго Императора Тиверія 1-го, поднесла ему яйцо и словами: «Христось воскресе», — начала проповѣдь о Воскресшемъ. Поступокъ Равноапостольной вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ между вѣрующими, возбудилъ подражаніе, — и всѣ вѣрующіе во дни Св. Пасхи стали другъ друга дарить яйцами. Яйцо, какъ даръ, есть знакъ нашего дружелюбія, какъ даръ простой — простосердечія, а какъ вмѣстилище жизни — служитъ прекраснымъ выраженіемъ надежды нашего безсмертія и перехода изъ настоящей жизни въ будущую, блаженную. Животная теплота, возбуждая жизнь заключающуюся въ яйцѣ, образуетъ зародышъ, зародышъ развивается въ птенца, птенецъ разбиваетъ скорлупу и вступаетъ въ разрядъ птицъ небесныхъ; такъ и мы еще здѣсь на землѣ, дѣйствіемъ Св. Духа, исходатайствованнаго пострадавшимъ и воскресшимъ Господомъ, возрождаемся въ жизнь духовную, и по оставленіи на землѣ всего тлѣннаго въ день смерти, вступаемъ, если дѣйствительно были возрождены, въ область небожителей и начинаемъ жить жизнью полною, совершенною, столько отличною отъ настоящей жизни, сколько жизнь птенца, заключающагося въ скорлупѣ, отлична отъ жизни птицы небесной.

Воскресшій прославленъ; взаимныя привѣтствія сдѣланы; надлежало по видимому перейти къ обычнымъ заключительнымъ молитвамъ утренняго богослуженія; но Св. Церковь, зная хорошо наши слабости и немощи,

положила еще одну важную особенность—чтеніе слова Златословеснаго Пастыря. Свѣтло торжество, всеобщее пѣсенное приглашеніе къ радости; но у всѣхъ ли на душѣ свѣтло? Всѣ ли надлежащимъ образомъ приготовлены къ принятію радостнаго приглашенія? Не было ли между нами такихъ, кои мало пользовались золотымъ временемъ Св. Четырехдесятницы? Не было ли и такихъ, кои очень и очень были лѣнны въ подвигахъ поста и молитвы? А потому не могли ли найтись между нами такіе, коимъ при слушаніи пѣсеннаго приглашенія естественна была дума:— «это приглашеніе не намъ: — мы уклонились отъ путей Христовыхъ и, къ несчастію, уклоненій своихъ не изгладили строгимъ постомъ и молитвою; — это приглашеніе тѣмъ, кои свято хранятъ заповѣди Божіи, или и уклоняются отъ нихъ, но уклоненія свои скоро поправляютъ тяжкими подвигами покаянія; а мы ни того ни другаго не дѣлали,—не соблюли заповѣдей Божіихъ и лѣнны были въ подвигахъ поста и воздержанія; это приглашеніе не намъ.» И вотъ, чтобы никто не отдѣлялъ себя отъ сонма ликующихъ и ни кѣмъ не нарушалось свѣтлое торжество, Архипастырь нашъ *, тотчасъ по окончаніи привѣтствій, обратился ко всѣмъ намъ и отъ лица Церкви началъ объяснять, къ кому радостныя пѣсенныя приглашенія относились: «внидите, вси, говорилъ Онъ, въ радость Господа своего..... воздержницы и лѣнныи, день почтите. Постившіися и не постившіися, вознесе-

* Предлагаемое слово произнесено было при служеніи Архіерейскомъ. Составитель Слова принималъ участіе въ совершеніи Архипастыремъ утрени, литургіи и вечери.

«литесь днесь. Трапеза исполнена, насладитесь вси. «Телець упитанный, никтоже да изыдетъ алчай, вси «насладитесь пира вѣры: вси воспріимите богатство бла- «гости. Никто же да рыдаеть убожества... Никтоже «да плачетъ прегрѣшеній (Цвѣтной Трїоди стр. 9)». Кто же послѣ сего могъ отдѣлять себя отъ общаго сонма ликующихъ и оставаться холоднымъ зрителемъ свѣтлаго торжества?

Нельзя было слушать, Брат., Златословеснаго слова безъ особеннаго умиленія; нельзя и вспомнить объ немъ безъ особеннаго же благоговѣнія. Не духъ ли Христовъ проникалъ оное отъ начала до конца?—Не первыя ли слова Воскресшаго къ Апостоламъ, — *не бойтеся, радуйтеся, миръ вамъ* (Матѳ. 28, 9 и 10. Иоанн. 24, 37), — были раскрываемы въ немъ? — къ Апостоламъ, кои почти всѣ во дни страданій оставляли Божественнаго Учителя, а одинъ даже съ клятвою говорилъ: не вѣмъ челоука сего (Мар. 14, 71)? Ни кого не укорялъ и не обличалъ Господь въ день возстанія изъ гроба; ни кто и изъ насъ не былъ обличаемъ и укоряемъ. Всѣхъ Воскресшій приглашалъ къ радости и веселію; и мы всѣ приглашены были къ торжеству и веселію.

Прославивши Господа и всѣ вошедши въ радость воскресенія, мы обыкновенными заключительными молитвами и окончили свое утреннее богослуженіе.

Литургія, какъ таинство, по самому существу своему, не допускаетъ многихъ измѣненій, по различію праздниковъ; при всемъ этомъ и въ Литургіи мы не могли не замѣтить нѣкоторыхъ особенностей.

Воскресеніе ясно показало, кто Воскресшій; показало, что Онъ совѣчное Слово Отчее, Единородный Сынъ Божій, Богъ и Творецъ всяческихъ, Богочеловѣкъ и Искупитель всего рода человѣческаго. Такъ Онъ исповѣдуются небомъ, такъ исповѣдуются и землею. И вотъ Св. Церковь, избравъ для оглашенія слуха нашего во время Литургіи такое Евангельское зачало, въ которомъ очень ясно раскрывается неизреченное величіе Воскресшаго, установила вмѣстѣ съ симъ и такой способъ чтенія этаго зачала, изъ котораго бы само собою очевидно было, гдѣ, какъ и къмъ исповѣдуются величіе Христова. Воскресшій Христосъ исповѣдуются Господомъ всѣмъ небомъ; и вотъ благовѣстіе сына грома: «въ началѣ бѣ слово» — возглашаемо было въ алтарѣ, видимомъ образѣ неба, исповѣдуются Господомъ всею землею, — возглашалось въ настоящей церкви — образѣ земли; исповѣдуются всѣми странами свѣта, — возглашалось на четыре страны Храма; — исповѣдуются различными народами, читалось на разныхъ языкахъ; — исповѣдуются и не разумною тварію, — и вотъ неодушевленный благовѣстникъ молитвъ — колоколь, какъ бы представитель этой твари, громкимъ гуломъ своимъ на далекое пространство оглашалъ окрестности храма.

Вознесшися съ пречистымъ тѣломъ своимъ на небо, Господь никогда не оставлялъ и не оставитъ Св. Церкви. Присутствіе свое обнаруживаетъ онъ въ таинствахъ и въ непосредственномъ храненіи и устроеніи судьбы Церкви; а до преславнаго вознесенія, являлся и видимо Апостоламъ и иногда, между прочимъ, благословлялъ

имъ трапезу, иногда преестественнымъ образомъ уготовлялъ, а иногда и Самъ вкушалъ предъ ихъ очами. Въ память этихъ то чудныхъ явленій, а вмѣстѣ и во свидѣтельство вѣры своей въ постоянное соприсутствіе Господа, Апостолы, садясь за трапезу, обыкновенно оставляли одно и притѣмъ главное мѣсто не занятымъ и полагали противъ него укрупъ хлѣба въ честь Господа, какъ бы Господь видимо былъ съ ними. Этотъ св. обычай, по свидѣтельству преданія, они соблюдали до самой кончины своей. И вотъ, въ подражаніе этому то Апостольскому обычаю, и у насъ нынѣ во храмѣ, при началѣ духовной трапезы — Божественной литургіи, священнослужители положили по хлѣбу у св. иконъ. Хлѣбы эти большею частію имѣютъ на себѣ священные изображенія и извѣстны подъ именемъ артоса. Они, поистеченіи пасхальной седмицы, обыкновенно извѣстнымъ образомъ освящаются и раздаются вѣрующимъ для благоговѣйнаго вкушенія и освященія.

Воскресшій Спаситель воскресеніемъ своимъ отверзъ рай для земнородныхъ однажды на всегда, такъ что входитъ въ него, или не входитъ зависитъ собственно отъ насъ; милосердіе Божіе всегда готово насъ принять, лишь бы съ нашей стороны не было препятствія. И вотъ для видимаго изображенія этой отрадной и крайне утѣшительной для нашего сердца истины, царскія врата олтаря постоянно открыты были не только въ продолженіе утренняго Богослуженія, но даже и Святейшей Литургіи; — и всѣ мы видѣли своими очами и освященіе даровъ, и приобщеніе оными священнослужителей Господнихъ, — видѣли то, на что съ благого-

вѣніемъ и страхомъ взирають Херувимы и Серафимы, и что въ другія времена сокрыто бываетъ отъ взоровъ предстоящихъ.

Воскресшій Господь и всѣхъ насъ съ собою воскресилъ и перевелъ къ новой благодатной жизни. А признакомъ жизни служить обыкновенно принятіе пищи; и самъ Богочеловѣкъ истину своего воскресенія и дѣйствительность жизни доказывалъ вкушеніемъ пищи (Лук. 24, 41). И вотъ Святая Церковь не просто намъ преподала нынѣ благословеніе на разрѣшеніе поста, какъ она обыкновенно дѣлаетъ въ другія времена, но окропивъ и освятивъ, по окончаніи святѣйшей своей службы, самые начатки пищи извѣстнымъ образомъ приготовленные, которые были для сего приносимы нами въ притворъ храма и которые обыкновенно въ быту житейскомъ называются Пасхою. Названіе не точное, но не неумѣстное. Пасха наша въ собственномъ смыслѣ есть только самъ Христосъ и тотъ только приобщается истинной Пасхи, кто вкушаетъ истинное тѣло и истинную кровь Христову, или приступаетъ къ таинству Евхаристіи.

Вотъ значеніе и смыслъ особенностей Литургіи!

Скорь былъ нашъ переходъ отъ утренняго богослуженія къ дневному, но не такъ скорь отъ дневнаго къ вечернему. Однако же и настоящее наше собраніе такъ же многолюдно, какъ многолюдные были и прошедшія. И это очень естественно. Что воспоминаетъ Церковь за настоящимъ богослуженіемъ? — Одно изъ самыхъ важныхъ явленій Христа Спасителя. Пять разъ

являлся Христосъ Господь избраннымъ своимъ въ день воскресенія своего: зъло заутра—Маріи Магдалинѣ (Іоанн. 20, 14, 15); предъ разсвѣтомъ, или по разсвѣтѣ многимъ Муроносицамъ (Матѣ. 28, 9); около полудня—Петру (Лук. 24, 34); предъ закатомъ солнца—Лукѣ и Клеонѣ (Лук. 24, 13—34), и сущу поздѣ—всѣмъ ученикамъ, исключая Ѳомы (Іоан. 20, 19—26). Важны были и первыя четыре явленія, такъ какъ свидѣтельствовали объ истинѣ воскресенія; но самое важное безъ всякаго сомнѣнія послѣднее. Во время сего то послѣдняго явленія Христосъ Спаситель не только самымъ яснымъ образомъ доказалъ Апостоламъ, что Онъ дѣйствительно воскресъ, но преподалъ имъ и начатки Духа Святаго и возродилъ въ сердцахъ ихъ полную радость. Какъ же намъ было не воспѣшить во храмъ Божій и не принять участія въ радости Апостольской, въ радости тѣхъ мужей, кои столько для насъ трудились и коихъ для того между прочимъ Христосъ Спаситель обрадовалъ, чтобы радость ихъ содѣлалась нашею радостію!!!

По самому свойству воспоминаемаго событія надлежало ожидать Евангельскаго чтенія за настоящимъ Богослуженіемъ.—Святое благовѣстіе и было намъ сей часъ прочитано. Кто внимательно слушалъ оное, тотъ не могъ не замѣтить и самыхъ обстоятельствъ явленія Господня.—Апостолы, кромѣ Ѳомы, всѣ были вмѣстѣ; двери дома, страха ради Іудейска, были заперты,—и вотъ, сквозь затворенныя двери проходить Господь, становится посреди и начинаетъ бесѣду свою привѣтствіемъ мира (Іоанн. 20, 19—26). А болѣе внимательные не

могли не замѣтить и того, что особенности, съ которыми совершенно было самое чтеніе, суть не что иное, какъ примѣненіе къ обстоятельствамъ—явленія Господня, или точнѣе, видимое изображеніе обстоятельствъ богоявленія. Христось Спаситель, прошедъ сквозь затворенныя двери, простеръ рѣчь свою къ св. ученикамъ; и вотъ Евангеліе читано было предъ взорами нашими не обыкновеннымъ чтецомъ онаго Діакономъ, а самимъ Архипастыремъ, какъ образомъ Иисуса Христа—вѣчнаго Архіерея; читано было не въ олтарь, а во святыхъ вратахъ олтаря и лице Архипастыря обращено было ко всѣмъ предстоящимъ.

Послѣ не многихъ пѣсней и молитвъ, Архипастырь осѣнитъ насъ крестнымъ знаменіемъ и предастъ намъ, чрезъ это благословеніе на отходъ въ дома. Уже ли же все видѣнное и слышанное здѣсь будетъ забыто нами по выходѣ изъ храма? Уже ли и хожденіе къ живоносному гробу вмѣстѣ съ Муроносицами, и мысленное созерцаніе Воскресшаго съ Апостолами, и прославленіе его съ Ангелами и Архангелами, и многое другое, само по себѣ очень поучительное и назидательное, останется вовсе безплоднымъ для нашего духа?.... О, да не будетъ сего!....Аминь.

*Ректоръ П. Семинаріи, Архимандритъ
Серафимъ.*

Мое обращеніе въ Христіанство.

(Окончаніе *).

Когда я заснулъ, снилось мнѣ, уже предъ разсвѣтомъ, будто я вмѣстѣ съ своими товарищами собрались въ классъ и ждали Священника на проповѣдь, и будто я занялъ первое мѣсто. И вотъ къ намъ въ классъ входитъ старецъ, украшенный удивительною сѣдиною, во всемъ еврейскомъ священномъ облаченіи, а вслѣдъ за нимъ вошли нашъ Бригадный Командиръ со всѣми начальствующими лицами и все духовенство находившееся тогда въ городѣ Волскѣ. Видъ лица этого старца былъ самый печальный; въ правой рукѣ онъ держалъ священническую трость, а подъ мышкой лѣвой руки толстую книгу, самага огромнаго формата.— Вошедшій старецъ прямо подошелъ ко мнѣ, бросилъ на меня грозный взглядъ и, обратившись къ слѣдовавшимъ за нимъ, произнесъ на еврейскомъ разговорномъ языкѣ слѣдующія слова: «вотъ это тотъ, который самъ погибаетъ и всѣхъ своихъ товарищей удерживаетъ въ гибели.» Вслѣдъ затѣмъ онъ поспѣшно вошелъ въ боковую комнату, а за нимъ послѣдовали всѣ начальники и духовные особы.— Когда же они заперли за собою двери комнаты, то я дрожащимъ голосомъ какъ будто началъ спрашивать своихъ товарищей, не знаетъ ли кто нибудь изъ нихъ этого старца? и какъ онъ узналъ о томъ, что я именно служу причиною гибели всѣхъ ихъ, разумѣя подъ этимъ,

* См. 6-й № Неоф. Части Полт. Епарх. Вѣдом. 1863 года.

конечно, то, что я недопускаю ихъ принять Христіанскую вѣру? Затѣмъ я рѣшился тихонько подойти къ запертымъ дверямъ, чтобы прислушаться къ разговору старца съ начальниками. Но едва только я приблизился къ дверямъ, какъ молитвенный плачь старца и громкое рыданіе всѣхъ бывшихъ съ нимъ потрясло и душу весь составъ мой тѣлесный, такъ что я въ изнеможеніи будто упалъ ницъ у порога дверей и началъ плакать и читать ту же молитву, которая произнесена была старцемъ и всѣми бывшими съ нимъ въ той комнатѣ на священно-еврейскомъ языкѣ. Молитва эта была слѣдующая: *Яви намъ Господи милость Твою и спасеніе Твое даждь намъ!* Эти молитвенныя слова были произносимы старцемъ многократно и каждый разъ при повтореніи ихъ, плачь начальниковъ и духовныхъ особъ увеличивался, а я продолжалъ лежать ницъ лицомъ и молиться тѣми же словами.

Одинъ изъ приближенныхъ ко мнѣ товарищей, не зная конечно причины паденія моего на землю, подбѣжалъ чтобы поднять меня, но и самъ впалъ въ такое же умиленное состояніе души, какъ и я, и тоже плакалъ и молился со мною ницъ лицомъ у запертыхъ дверей. Когда же старецъ пересталъ молиться и всѣ рыдавшіе съ нимъ утихли, то мы съ товарищемъ своимъ будтобы тотъ-часъ опомнились, встали съ земли и, оправившись, сѣли опять на своихъ мѣстахъ въ классѣ, стараясь скрыть свой плачевный видъ. И вотъ опять ужасъ и трепеть находить на насъ, когда увидѣли мы выходящаго изъ той комнаты старца и бывшихъ съ нимъ, на лицахъ коихъ явны были слѣды

слезъ и печали и душевная скорбь о насъ заблудшихъ. Казалось старецъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и на еврейскомъ разговорномъ языкѣ говорилъ мнѣ: «любезный мой сынъ! я слышалъ, что ты не въ-ришь тому, что Мессія уже пришелъ, и что сказаніе «Священниковъ объ этомъ предметѣ, ты считаешь за «собственные ихъ вымыслы и говоришь, что обо всемъ «сказанномъ ими нѣтъ никакого намека въ книгахъ ев-«рейскихъ; по этому иди, и я тебѣ покажу изъ свя-«щенныхъ книгъ еврейскихъ, что ты заблуждаешься, «а черезъ тебя—всѣ товарищи твои остаются въ томъ «же заблужденіи.» Съ величайшимъ страхомъ я слѣ-довалъ за старцемъ, который посадилъ меня около се-бя за столомъ, гдѣ бывало постоянно Священникъ са-дится во время проповѣди и разговариваетъ со мною о религіи; за тѣмъ старецъ раскрылъ принесенную имъ книгу, на разныхъ страницахъ которой я увидѣлъ на священно-еврейскомъ языкѣ надписи именъ пророковъ, о существованіи книгъ которыхъ я только когда то слышалъ отъ своего учителя, но въ самомъ подлин-никѣ мнѣ еще не удавалось ихъ видѣть.—Да и что особенно было причиною моего упорства въ принятіи истины, доказанной мнѣ неоднократно Священниками, какъ не то, что я вѣрить нехотѣлъ, чтобы приведен-ныя ими въ доказательство пророческія мѣста о вре-менахъ Мессіи были писаны на еврейскомъ языкѣ. И это невѣріе мое опять зависѣло единственно отъ то-го, что я никогда до 18 лѣтняго возраста своего не-читалъ книгъ пророческихъ.—И вотъ, чего я никогда не читалъ на яву, то для вразумленія моего открыто

было мнѣ во снѣ. Ибо старецъ, раскрывши книгу, приводилъ и вразумительно объяснилъ на еврейскомъ языкѣ всѣ тѣ сказанія пророческія о Мессіи, которыми Священники убѣждали меня признать Иисуса за Мессію. Но изъ всѣхъ мѣстъ писаній пророческихъ, которыя я читалъ съ дивнымъ старцемъ во снѣ, одно, прочитанное мнѣ уже въ заключеніе всего, глубоко впечатлѣлось въ памяти моей: это видѣніе пророка Ездры *о юношѣ, возлазшемъ вѣнцы не окружившее его множество людей*, писанное въ 3-е книгѣ Ездры (глав. 2 ст. 42—48). По окончаніи этого послѣдняго чтенія, старецъ закрылъ книгу и говоритъ мнѣ такъ: вотъ тебѣ доказано все то, чему ты вѣрить нехотѣлъ и все думалъ, что этого нѣтъ въ книгахъ еврейскихъ. Теперь остается тебѣ рѣшиться на одно изъ двухъ: или спастись, или погибнуть. Произнесши это, онъ и всѣ пришедшіе съ нимъ поспѣшно вышли изъ нашего класса. По удаленіи старца сдѣлалось со мною такое сильное волненіе душевное, что я и не зналъ, на что рѣшиться. Я казался хотѣлъ было тотъ часъ перетоворить о всемъ случившемся съ своими товарищами, — но вдругъ проснулся.

О ужась, о трепеть! Раскрылись только мои очитѣлесные, но очидушевные были заняты созерцаніемъ тогоже видѣнія, — при чемъ скорбь и тѣснота обложили душу мою! Хозяева квартиры моей, вставшіе предъ разсвѣтомъ для своихъ домашнихъ занятій, слышали мои рыданія, вздохи и непонятные для нихъ молитвенные слова, произнесенные мною во снѣ и были такъ тронуты, какъ расказывали мнѣ, что плакали отъ жа-

лости ко мнѣ, и даже когда я всталъ, то увидѣлъ хозяйку свою еще въ слезахъ. Какъ только всталъ я съ постели, хозяева начали допытываться у меня о видѣнномъ мною снѣ, дабы узнать причину моего чрезвычайнаго плача,—но я отвѣта имъ ни какого не далъ, а поспѣшно одѣлся и побѣжалъ въ классъ. Пришедши туда, я въ кругу товарищей своихъ евреевъ разсказалъ о видѣнномъ мною снѣ; въ слѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ, замѣтивши изъ разсказа моего колебанія мое въ вѣрѣ отцевъ своихъ, начали меня увѣрять, что этотъ сонъ вѣроятно допущенъ Богомъ для испытанія моей твердости въ вѣрѣ, что я, должно быть, думалъ предъ этимъ сномъ что нибудь противное своей вѣрѣ. Но я съ клятвою увѣрилъ ихъ, что съ вечера напротивъ я замышлялъ, какимъ бы образомъ прекратить всякое собесѣдованіе съ Священниками о вѣрѣ. Какъ ни утѣшали меня товарищи мои, я остался притомъ въ твердомъ убѣжденіи, что видѣнный мною сонъ не есть простая мечта воображенія, а что онъ знаменуетъ что нибудь необыкновенно важное для меня. При этомъ я припоминалъ себѣ съ точною ясностію всѣ сказанія пророческія, прочитанные мнѣ старцемъ во снѣ. Нѣтъ, ни что не могло меня увѣрить въ томъ, чтобы сонъ этотъ былъ искушеніемъ для меня въ вѣрѣ, тогда какъ молитвенный плачь и священное собесѣдованіе съ дивнымъ старцемъ явно обнаруживали промышленіе Божіе о спасеніи моемъ. Между тѣмъ, какъ мы были собраны въ томъ классѣ, гдѣ обыкновенно ожидали Священника на проповѣдь (ибо тогда былъ урочный день для этого занятія), ме-

ня все пугало то, что какъ бы не случилось видѣть подобное сновѣдѣнію моему на яву; но къ успокоенію моему случилось со всѣмъ противное, ибо Священникъ въ тотъ разъ далъ намъ знать, что онъ не можетъ быть въ классѣ по причинѣ болѣзни и мы такимъ образомъ разошлись по классамъ, кто гдѣ учился. Но на урокахъ я сидѣлъ задумчиво и ничѣмъ не могъ заниматься,—чего не могли не замѣтить, какъ учитель класса, который то и дѣло побуждалъ меня къ занятіямъ, такъ и товарищи мои, которымъ конечно известна была причина моей задумчивости. Но что же оставалось мнѣ дѣлать, и на что я долженъ былъ рѣшиться, когда при мысли о видѣнномъ мною снѣ совѣсть моя трепетала, такъ что, при всѣмъ стараніи моемъ скрывъ внутреннее волненіе души моей, товарищи мои зорко читали оно на лицѣ моемъ и, опасаясь отступленія моего отъ вѣры отцевъ своихъ, старались меня развлечь въ моей задумчивости, подобно тому, какъ я самъ поступалъ съ ними до этого времени. Ахъ! мнѣ ежечасно представлялся этотъ страшный сонъ и при представленіи его рисовалась мнѣ слѣдующая мысль: что постигнетъ меня въ будущей жизни, если я въ самомъ дѣлѣ заблуждаюсь въ вѣрѣ по причинѣ невѣдѣнія и если при томъ пренебрегу этимъ сномъ, который, быть можетъ, преблагій Богъ употребилъ, какъ крайнее средство къ вразумленію и обращенію меня на путь истины?

Я рѣшился прежде всего удостовѣриться въ вѣрности пророческихъ сказаній, читанныхъ мнѣ старцемъ во снѣ. Пришедши домой изъ класса, я тотчасъ,

бросился къ моему ящику, наполненному разными еврейскими книгами, думая между ними найти какія либо изъ пророческихъ книгъ; но напрасенъ былъ трудъ мой: ибо кромѣ разныхъ талмудическихъ книжекъ, я нашель между ними только одно Пятокнижіе Моусеево, которое не совсѣмъ удовлетворяло потребностямъ души моей. За тѣмъ я не медленно рѣшился отправить письмо къ одному изъ Бердичевскихъ раввиновъ, съ требованіемъ выслать въ наше учебное заведеніе еврейскія пророческія книги. Но пока получу эти книги, думалъ я, то не мѣшало бы мнѣ прочитать Библію на русскомъ языкѣ, чтобъ узнать: дѣйствительно ли въ ней заключаются священныя книги еврейскія, какъ насъ неоднократно увѣрялъ Священникъ-законноучитель нашего заведенія,—чему я, по грубому своему невѣжеству, ни какъ не хотѣлъ вѣрить? Удивленъ былъ Священникъ В. К., когда я пришелъ къ нему на домъ съ просьбою—дать мнѣ русскую Библію,—при чемъ онъ непреминулъ высказать свое сердоболіе о моемъ заблужденіи. Взявши Библію, я поспѣшно вышелъ отъ Священника и тутже развернулъ ее, чтобы взглянуть на фигурную печать ея. Но какая жалость объяла меня, когда я увидѣлъ что книга эта была напечатана такими литерами, которыхъ я и разобрать не могъ. Я думалъ было возвратиться и отдать Священнику гіероглифическую книгу; но чувство вѣжливости удержало меня и заставило понести ее на свою квартиру. Я сдѣлалъ это ни сколько не думая извлечь изъ нея для себя какую либо пользу. Нашелся, однако же одинъ изъ моихъ товарищей кац-

танистовъ, который могъ свободно читать славянскую печать и даже передавать мнѣ на разговорно-еврейскомъ языкѣ то, что вычитывалъ изъ славянской Библии.

Не мало удивило меня чтеніе первыхъ строкъ Библии, изъ коихъ я рѣшительно убѣдился, что въ славянской Библии точно заключается Священное Писаніе, данное нѣкогда Богомъ народу Израильскому чрезъ Моисея и Пророковъ. Чтеніемъ этой Библии мы съ товарищемъ занимались по нѣскольку часовъ каждый день, пока наконецъ не нашли тѣго, что именно читано было мнѣ во снѣ дивнымъ старцемъ.—Кромѣ того это чтеніе вселило во мнѣ любовь и охоту читать уже всякую христіанскую книгу, тогда какъ прежде это было отвратительно для меня. Слова Пророка Исаи: *ищите Бога и обрящете Его, ибо онъ близъ есть*,* (Иса. 55, 6.) побуждали меня не оставить безъ вниманія ни одной изъ тѣхъ книгъ, которыя неоднократно предлагаемы были намъ для чтенія законноучителями. И вотъ, между прочими книгами я получилъ отъ одного законоучителя Златое Сочиненіе, или письмо раввина Самуила къ раввину Исааку Марокскому. Это сочиненіе окончательно раскрыло мнѣ глаза и я совершенно убѣдился въ истинности и необходимости обращенія ко Христу заблуждшаго Израиля. Но чѣмъ болѣе я убѣждался въ истинѣ Христіанской Вѣры, тѣмъ ужаснѣйшая борьба волновала душу мою. Ахъ, мнѣ все представлялось, что признаніемъ достоинства

* Такой смыслъ въ подлинникѣ.

Христіанства оскорбляю поселенныя во мнѣ съ дѣтства священные чувствованія. Кто же меня увѣритъ, думалъ я, что такая перемѣна въ моемъ убѣжденіи угодна Богу? Сознаніе мое ясно говорило мнѣ, что никто, какъ только одинъ Онъ—Сердцевѣдецъ, или чрезвычайный посланникъ отъ Него, можетъ открыть мнѣ сущую истину. Не терялъ я впрочемъ изъ виду и того, что по грѣховности своей я совершенно недостойнъ таковаго сверхъ-естественнаго откровенія. Что же оставалось мнѣ дѣлать въ такой сильной борьбѣ, которая окончательно терзала душу мою и не давала мнѣ покоя день и ночь? Увы, теперь только я сознаю, какъ всеисильная и спасительная Благодать Божія споспѣшествовала мнѣ во спасеніи моемъ! При сильномъ и сознательномъ ощущеніи описанной борьбы моей, вдругъ мелькнула въ моемъ умѣ такая мысль: получить отъ самаго Бога, или отъ какого либо его посланника увѣреніе въ истинности или ложности содержимой мною Вѣры я недостойнъ; но Господь Богъ всеисилень открыть это увѣреніе въ моемъ сердцѣ, если я приготавливаю оное къ тому чрезъ постъ и молитву. Эта отрадная мысль тотъ часъ же побудила меня рѣшиться на сказанный подвигъ, который совершенъ мною буквально по обычаю еврейской вѣры. Понедѣльникъ, Четвертокъ и опять Понедѣльникъ опредѣлены были мною на совершенный постъ и цѣлодневныя чтенія Псалтыри. Я былъ вполне увѣренъ, что чрезъ такой подвигъ Господь Богъ воззритъ на меня недостойнаго и откроетъ очи сердца моего къ уразумѣнію желанной истины. Крайнимъ придѣломъ съ моей стороны

было назначено то, что въ концѣ третьяго дня предпринятаго подвига моего, рѣшимость моя на перемѣну вѣры отцевъ своихъ должна, по мановенію Божію, или болѣе утвердиться, или совершенно исчезнуть изъ сердца моего. Не умолчу и о томъ, что для совершенія этого подвига, я долженъ былъ употребить такую хитрость: на каждый наступавшій изъ назначенныхъ дней я дѣлался больнымъ, для того чтобы оставаться дома свободнымъ отъ классическихъ занятій. Самый же подвигъ совершенъ мною скрытно отъ товарищей моихъ. Между тѣмъ, совершая сказанный подвигъ, я исключительно занималъ умъ и сердце мое тѣмъ молитвеннымъ воплемъ, который я слышалъ во снѣ изъ устъ дивнаго старца. *Яви намъ Господи милость Твою, и спасеніе Твое даждь намъ!* И вотъ наконецъ, всемилостивый Господь вошелъ въ разстворенную дверь сердца моего и наполнилъ оное твердымъ, несокрушимымъ желаніемъ перемѣнить вѣру свою. Я ничего другаго ни могъ не мыслить, ни желать, какъ только одного обновленія жизни чрезъ вѣру во Христа—истиннаго Мессію, истиннаго Спасителя міра. Врагъ спасенія ничего не преминулъ даже и тутъ, при самомъ усладительномъ состояніи души моей, представлять мнѣ страшныя угрозы за мою рѣшимость отстать отъ прежнихъ вѣрованій; но при этомъ вдругъ явилась во мнѣ мысль оградить себя, въ первый разъ, (постыднымъ до того времени для меня) крестнымъ знаменіемъ, при чемъ уста мои какою то необыкновенною силою подвигнуты были къ изреченію слѣдующихъ словъ: »да будетъ же воля Твоя Господи Боже нашъ! Боже отецъ

»нашихъ! Ты меня вразумилъ искать истину, Ты мнѣ открылъ ее; Ты же укрѣпи и утверди сердце мое существовать путемъ, ведущимъ къ познанію и усвоенію правды, открытой всѣмъ людямъ чрезъ истиннаго Мессію—Избавителя всего міра!« Всльдъ за тѣмъ я почувствовалъ какую то легкость въ душѣ моей, которая неволью исторгла изъ глазъ моихъ слезы благодарности, — слезы, усладившіе сердце мое превыше всякой радости. Восторженное состояніе души моей недопустило даже дреманія глазамъ въ продолженіе цѣлой наступившей ночи; съ нетерпѣніемъ ждалъ я утра, въ которое казалось мнѣ, я долженъ какъ будто въ первый разъ достойнымъ образомъ воззрѣть на свѣтлое небо и ступить ногою на землю, искупленную кровію Спасителя.

Между тѣмъ, проводя ночь въ безсонницѣ, я задумывалъ разные планы къ обнаруженію предъ товарищами моими дознанной истины; не менѣ занимало меня и то, что, какъ виновникъ нѣкоторымъ образомъ упорства товарищей моихъ къ принятію Христіанской Вѣры, я долженъ теперь самъ сознаться предъ ними въ своемъ заблужденіи и изъявить готовность принять Св. Крещеніе. Думалъ бымо сдѣлать это въ присутствіи Священника—Законоучителя нашего заведенія, но тутъ представилось то препятствіе, что Священники уже нѣсколько недѣль, съ самага времени сновидѣнія моего, непосѣщали нашего собранія, и какъ будто самимъ Провидѣніемъ внушено было имъ представить вразумленіе насъ въ истинѣ самому Господу. По этой самой причинѣ я задумалъ извлечь изъ славянской Библии

болѣ рѣзкія сказанія пророческія о Мессіи, исполненіе которыхъ мы можемъ видѣть даже безъ чтенія Евангелія, какъ то: минувшее время пришествія Мессіи, познаніе истиннаго Бога всѣми народами и т. п. Собранныя мною подобныя сказанія я перевелъ на еврейскій священный языкъ, дабы товарищи мои могли удобнѣе понять, что дознанная мною истина почерпнута изъ того самаго Св. Писанія, которое даровано предкамъ нашимъ Самимъ Богомъ. Такое мое предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Избравъ изъ среды товарищей моихъ кантонистовъ болѣе знающихъ еврейскій языкъ и приверженныхъ къ религіи отцевъ своихъ, я предложилъ имъ для обсужденія собранныя и переведенныя мною мѣста изъ Библии славянской, причемъ объяснилъ имъ и поводъ, побудившій меня на такое предпріятіе. О намѣреніи же моемъ имъ нечего было и говорить; ибо прочитавъ предложенное и выслушавъ устный мой разсказъ о предшествующихъ обстоятельствахъ, нѣкоторые изъ нихъ прямо изъявили свое согласіе слѣдовать моему примѣру, а остальные выразили мнѣ свое недоумѣніе о такой быстрой перемѣнѣ въ моемъ убѣжденіи! Увидѣвъ неожиданную удачу, я съ сильнымъ восторгомъ обнималъ каждого изъ согласившихся со мною сотоварищей, привѣтствовалъ ихъ цѣлованіемъ духовнымъ, на что они взаимно выразили и свою радость о Господѣ, посѣтившемъ насъ милостію своею и удостоившемъ насъ быть участниками свѣта истинны. О эта восхитительная минута неизгладится никогда изъ памяти моей и товарищей моихъ, которые тогда вмѣстѣ со мною изъявили желаніе про-

свѣтитесь Св. Крещеніемъ! Насъ было 8 душъ, изъ коихъ 2 окрещены 30 Ноября, а 6 со мною включительно окрещены 3 Декабря 1844 года. — Не остались впрочемъ коснѣть въ заблужденіи іудейскомъ и всѣ прочіе товарищи мои, находившіеся въ бытность мою въ городѣ Волскѣ; ибо такимъ же способомъ, по наставленію моего воспріемнаго отца Священника В. К. и другихъ законоучителей отдѣленія кантонистовъ, я дѣйствовалъ немощнымъ словомъ своимъ на ихъ убѣжденіе, и по благодати Божіей, мною обращено по Іюнь мѣсяць 1845 года болѣе 200 человекъ еврейскихъ кантонистовъ *. Этому радостному событію памятникомъ служить икона Святителя и Чудотворца Николая, сооруженная иждивеніемъ новокрещенныхъ кантонистовъ и поставленная, по желанію ихъ же, въ Николаевскомъ Соборѣ города Волска, Саратовской губерніи.

Итакъ, вспоминая столь дивное обращеніе мое и другихъ товарищей моихъ, уста моя свыклись уже повторять пророческую пѣснь Первосвященника Захаріи: *Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко послати и сотвори избавленіе людемъ своимъ и воздвиге роизъ спасенія намъ.* (Лук. 1. ст. 68 и 69).

Свящ. Николай Кузнецкій.

22 Февраля 1863 г.

ПОДТОВА.

* Что тогда всѣ обратились именно по одному чистому убѣжденію, видно изъ того, что многіе изъ нихъ теперь отличные по благочестію Христіане, а два изъ обращенныхъ даже сдѣлались Священниками: одинъ—Громовъ близъ Одессы, другой Кузнецкій 2-й—въ Херсонѣ.

Замѣтки воспитателя о дѣтяхъ.

Трудно понять челоѡѡка взрослога, но еще труднѣе узнать и разгадать дитя. Дѣятельность челоѡѡка взрослога даетъ намъ хоть какую нибудь возможность судить о степени его ума, о наклонностяхъ его сердца и о состояніи его тѣлесныхъ силъ: въ ребенкѣ это невозможно. Вы наблюдаете за его поступками и будете выводить изъ своихъ наблюдений заключенія о свойствахъ его; но можете ли вы поручиться за вѣрность и наблюдений своихъ и заключений? Ошибиться здѣсь очень нетрудно: то, что наблюдатель сочтетъ проявленіемъ самостоятельнаго разсужденія, ума,—на самомъ дѣлѣ, очень можетъ стать, будетъ плодомъ инстинкта, или даже просто — переимчивости; то, что порадуетъ воспитателя, какъ проявленіе въ ребенкѣ добрыхъ наклонностей сердечныхъ, на самомъ дѣлѣ можетъ происходить отъ минутнаго каприза, или раздраженія, или постороннихъ внушеній и т. д.

Однакоже, не смотря на эту трудность познанія дѣтей, мы, руководствуясь тѣмъ, что открыто намъ Самимъ Богомъ и что дознано опытомъ и наблюденіемъ людей, рѣшаемся изложить нѣсколько замѣчаній, которыя полезно и даже необходимо имѣть въ виду, занимаясь воспитаніемъ дѣтей.

Прежде всего обратимъ вниманіе на самую *природу дѣтей*. Главное, что всегда должно помнить воспитателямъ въ этомъ отношеніи есть та несомнѣнная истина, что природа всѣхъ дѣтей безъ исключенія повреждена: всѣ мы приходимъ на свѣтъ съ первороднымъ грѣ-

хомъ. Священныя бытописанія повѣствуютъ, что первый челоуѣкъ, обольщенный гордостію и подавшись внушеніямъ духа злобы, палъ и черезъ паденіе утратилъ первобытныя совершенства души и тѣла. Всеобщая порча природы его перешла и на все его потомство, такъ что отъ заразы этой несвободенъ никто. Слѣдствіемъ ея между прочимъ было то, что челоуѣкъ съ самаго дѣтства сдѣлался гораздо больше склоненъ къ злу, нежели къ добру. Такая порча природы замѣчается у всѣхъ безъ исключенія дѣтей: каждое изъ нихъ не только легко и съ охотою перенимаетъ все дурное, мерзкое, но даже нерѣдко и само выдумываетъ, изобрѣтаетъ новыя неслыханныя гадости; а добру, при самомъ строгомъ, внимательномъ наставленіи, дитя научается съ трудомъ и разучивается, забываетъ всѣ наставленія и перестаетъ быть добрымъ съ такою поразительною легкостію, что эту противуестественную порчу нельзя не назвать *прирожденною* въ нѣкоторомъ смыслѣ — *естественною*. Эту важную истину непременно нужно имѣть въ виду воспитателямъ постоянно, чтобы всѣми возможными средствами удерживать дурныя порывы у дѣтей и развивать добрыя наклонности; удалять всѣ пагубныя примѣры неодобрительнаго поведенія и окружать добрыми, дабы чрезъ это взлѣлять въ душахъ ихъ прекрасный, но трудно принимающійся цвѣтокъ чистоты и доброты.

Но у дѣтей только и есть общаго. Въ другихъ отношеніяхъ они до *безконечности различны между собою*: этого благоразумный воспитатель не долженъ выпускать изъ виду, чтобы не мѣрять дѣтей одною

мѣркою и не воспитывать всѣхъ совершенно одинаково. Не будемъ говорить уже о томъ различіи, которое происходитъ между дѣтьми оттого, что родители ихъ принадлежать къ разнымъ сословіямъ. И безъ этого и Богъ, и природа и люди производятъ рѣзкое различіе между дѣтьми и притомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Творецъ человѣковъ, при самомъ рожденіи каждаго, даетъ различныя дарованія умственныя и нравственныя каждому по силамъ его. Природа также налагаетъ на людей свою разнообразную печать и вслѣдствіи этого одинъ отъ рожденія уже оказывается вялымъ, другой живымъ и бойкимъ; одинъ хладнокровенъ и малочувствителенъ, другой впечатлителенъ, раздражителенъ, или нѣженъ; одинъ крѣпокъ и бодръ, а другой слабъ и болѣзненъ. Наконецъ и люди своимъ вліяніемъ производятъ огромное различіе въ дѣтяхъ. Не говоря о родителяхъ, которыхъ свойства почти неизбежно отпечатлѣваются на дѣтяхъ,—и тѣ, которые окружаютъ родителей до рожденія дѣтей, въ слѣдствіе дознаннаго, хотя и необъясненнаго фізіологическаго закона, имѣютъ нѣкоторыя вліяніе на нихъ и въ отношеніи къ тѣлу ихъ и въ отношеніи къ душѣ. Особенно же лица окружающіе дѣтей въ первые годы ихъ жизни, при неоспоримой переимчивости и подражательности ихъ, дѣлаютъ то, что дѣти усвояютъ себѣ ихъ привычки, манеру, разговоръ, походку,—словомъ все. Такое различіе дѣтей долженъ не только постоянно помнить воспитатель, но и тщательно подмѣчать его и угадывать; потому что зная свойство ребенка, легко на него и дѣйствовать и довести его до желаемой цѣли.

Наконецъ при изученіи дѣтей, по самой природѣ ихъ, открывается что въ самомъ первомъ нѣжномъ дѣтствѣ въ нихъ заключаются уже всѣ тѣ наклонности, которыя, при дальнѣйшемъ развитіи ихъ, составляютъ опредѣленный характеръ человѣка взрослога. Значить въ самой природѣ человѣка есть *зародыши всѣхъ нравственныхъ его качествъ*. Воспитатель поступить разумно и благотельно, если со всѣмъ вниманіемъ будетъ наблюдать за дѣтьми, чтобы разгадать ихъ нравственныя особенности. Когда онъ узнаетъ ихъ въ точности, тогда стоить всѣ замѣченныя дурныя наклонности подавлять прямыми средствами, а добрыя поощрять и развивать и—образуется характеръ совершенно добрый, или—хотя съ преобладающими добрыми наклонностями. А при этомъ характеръ и образъ дѣятельности людей возможно и достижимо и счастье въ жизни частной и благо общественное.

Кто захочетъ наблюдать за дѣтьми во всѣхъ ихъ движеніяхъ душевныхъ и тѣлесныхъ, тотъ неизбѣжно будетъ пораженъ тою особенностію дѣтей, что у нихъ есть *инстинктъ*—такая способность, которая у взрослыхъ людей мало замѣтна. Природа даетъ эту способность дѣтямъ какъ будто взаменъ ума, который, какъ извѣстно, развивается медленно, и съ постепеннымъ развитіемъ котораго мало по малу слабеетъ инстинктъ, покуда *совершенно* почти *утрачивается* и исчезаетъ. Эта способность у дѣтей поистинѣ изумительна, потому что дитя нерѣдко, при ея помощи достигаетъ того, чего не достигаетъ взрослый человѣкъ при помощи своего ума. Такъ напримѣръ дѣти без-

ошибочно угадываютъ добраго человѣка и привязываются къ нему независимо отъ постороннихъ привлекающихъ средствъ, тогда какъ чуждаются не добраго, не смотря на его ласки и даже подарки: подарокъ дитя возметъ, а любить все таки nebudeтъ; а бываютъ случаи, что отъ человѣка злаго, хотя и ласкающаго, оно не возметъ и подарка. Понятно, что до этого ребенокъ доходить не путемъ наблюденій и размысленій, потому что и взрослый, идя этимъ путемъ, все таки не придетъ къ цѣли такъ вѣрно, какъ дитя; а оно сверхъ того ни къ наблюденіямъ, ни къ размысленіямъ еще совершенно неспособно. Но пойдѣмъ далѣе: рассмотримъ другія проявленія этой способности,—и мы увидимъ, что она у дѣтей довольно разумна. Наблюдавшіе за дѣтьми согласятся съ тѣмъ, что способность дѣтей—подмѣчать и перенимать удивительна. Все странное, смѣшное, не замѣтное и для наблюдающаго взрослого человѣка, несмотря на малость свою, будетъ уже подмѣчено ребенкомъ, перенято и пересмѣяно. Наконецъ дѣти,—разумѣется незабитые и необиженные природою въ умственномъ отношеніи,—отличаются понятливостію, превосходящею обыкновенно ихъ возрастъ. Часто полагаясь на то, что ребенокъ малъ и ничего не смыслить, взрослые позволяютъ себѣ говорить при немъ такіе вещи, которыя слушать ребенку не прилично. Большею частію дитя покажетъ дѣйствительно тотъ видъ, что оно ничего не понимаетъ, но на самомъ дѣлѣ оно все поняло какъ нельзя лучше и навсегда запечатлѣло въ своемъ свѣжѣмъ воображеніи. Для него достаточно самаго легкаго намека, чтобъ понять скрытую

мысль, а одно невольное движеніе, или игра въ чертахъ лица нерѣдко объясняютъ для него самыя затаенныя мысли. Все это приводитъ къ тому вѣрному, хотя и обидному для насъ заключенію, что мы ошибаемся на счетъ дѣтей, что они гораздо понятливѣе, чѣмъ мы предполагаемъ. Правду замѣтилъ тотъ, кто сказалъ, что «умъ ребенка начинается съ первой его улыбки»: да, какъ только дитя улыбнулось своей матери, то этимъ самымъ показало, что оно и понимаетъ и чувствуетъ. Положимъ, что собственно умъ развивается не такъ рано и не такъ скоро; но все же и эта способность—инстинктъ, или какъ хотите назовите ее, очень важна и оставлять ее безъ вниманія въ пренебреженіи не должно. Разумное воспитаніе должно обратить напротивъ на нее полное вниманіе и помогать этому внушенію природы, развивать его всѣми средствами и облагораживать, дѣлая разумнымъ все, что есть въ немъ неразумнаго и безотчетнаго. А подавлять его ничуть неслѣдуетъ; онъ и самъ послѣ, подавляемый развитіемъ разума, мало помалу слабѣетъ. А если бы онъ былъ осторожно развиваемъ и поддерживаемъ, то, и при полномъ развитіи силъ умственныхъ, могъ бы оказывать услугу человѣку, досказывая ему то, чего не пойметъ онъ при помощи одного ума. Примѣръ этого можно видѣть въ женщинахъ: въ нихъ инстинктъ дѣйствуетъ больше, чѣмъ въ мужчинахъ,—за то они гораздо скорѣе мужчинъ угадываютъ людей и предузнаютъ то, чего часто однимъ умомъ не узнаешь.

Кто изучить дѣтей по ихъ природѣ и инстинкту, тотъ узнаетъ ихъ довольно хорошо, но не вполне. Есть

и еще одно обстоятельство, на которое нужно обратить большое вниманіе при изученіи дѣтей, особенно же имѣя въ виду ихъ воспитаніе. Дѣти, какъ извѣстно, поступаютъ въ общественныя воспитательныя заведенія не прямо изъ колыбели и пеленокъ: нѣсколько лѣтъ проводятъ они дома, подъ надзоромъ родныхъ и домашнихъ и, такъ сказать, проходятъ тамъ курсъ *воспитанія домашняго*. Это домашнее воспитаніе, не смотря на неопредѣлительность формъ его, имѣетъ чрезвычайное вліяніе на будущее развитіе дитяти и по характеру, и по уму и по нравственности. Итакъ какъ оно бываетъ очень различно, то много нужно внимательности тому, кто принимаетъ дѣтей прямо изъ дому въ воспитательное заведеніе — для того чтобы понять, къ чему приученъ ребенокъ и чтобы по этому опредѣлить, какъ на него лучше дѣйствовать и какъ вернуть его къ предполагаемой цѣли. Конечно нельзя обращаться одинаково съ ребенкомъ нѣжнымъ, неслыхавшимъ никогда дома и грубаго слова и — тѣмъ, который знакомъ и съ бранью и съ наказаніями тѣлесными. А бываютъ дѣти еще болѣе различныя по домашнему воспитанію и не только въ этомъ отношеніи, но и во всѣхъ другихъ. Одни являются изъ дому въ заведеніе съ умомъ довольно развитымъ, воспримчивымъ, любознательнымъ; у другихъ эта способность и нетронута, и не разбужена и спитъ мертвымъ сномъ. Естественно, что если станемъ учить подобныхъ дѣтей одинаково; то первый покажется гениальнымъ, а второй просто идиотомъ; первый пойдетъ впередъ и успеетъ, а второй отстанетъ и заглохнетъ. А между тѣмъ,

замѣть во время воспитатель эту разницу между дѣтьми по ихъ домашнему воспитанію и учи одного такъ, а другого иначе,—дѣло приняло бы другой оборотъ: развился бы и не развитый, и перегналъ бы можетъ быть и развитыхъ и образовался бы вполне для пользы своей и блага общества. Также точно и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Есть дѣти, которыхъ дома нѣжили, лелѣли и которые по этому незнакомы ни съ какими нуждами и лишеніями; и есть такіе, которыхъ вскормила и воспитала сама мать—природа, о которыхъ заботился одинъ только общій нашъ Отецъ—Богъ. Бываютъ дѣти знакомыя съ правилами и дѣлами чистой христіанской нравственности, любящія молитву, милостыню и знающія Бога; встрѣчаются и другія, которыя выросли внѣ всякихъ религіозныхъ правилъ и добрыхъ примѣровъ; а бываютъ и такія, которыя съ самаго нѣжнаго дѣтства — къ удивленію и горькому сожалѣнію всякаго добраго человѣка — заражены уже язвою безнравственности и порока. — Наконецъ у однихъ и дома была работа: они учились и трудились; а другія все только гуляли, съ трудомъ и не знакомы, или же — что еще хуже — даже боятся ученія. Содержать, воспитывать и образовать всѣхъ этихъ многообразныхъ дѣтей — а такими они поступаютъ въ наши школы — совершенно одинаково, по одной определенной мѣркѣ, по заведенному порядку, — было бы не простительнымъ невниманіемъ и совершенною некомпетентію, ведущею къ самымъ грустнымъ, плачевнымъ послѣдствіямъ.

Повторимъ въ заключеніе, что изученіе дѣтей во всѣхъ

отношеніяхъ, а особенно въ этомъ—въ дѣлѣ воспитанія ихъ — составляетъ предметъ очень важный и заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны воспитателей.

Н. Даниленко.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

— *Комитетъ по дѣлу преобразованія Духовныхъ Семинарій.* Въ февральской книжкѣ Православнаго Обозрѣнія помѣщено слѣдующее любопытное извѣстіе объ этомъ важномъ дѣлѣ. «Учрежденный въ Петербургѣ Комитетъ о преобразованіи Духовныхъ Семинарій, подъ предсѣдательствомъ Высокопреосвященнаго Димитрія, Архіепископа Херсонскаго, въ прошломъ году окончилъ свои труды. Журналь его, проектъ преобразованія Семинарій и отдѣльныя мнѣнія Членовъ Комитета отпечатаны. Для разсмотрѣнія и обсужденія ихъ, по распоряженію Митрополита Московскаго, составленъ въ Москвѣ Комитетъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Саввы, изъ Ректора Московской Семинаріи Архимандрита Игнатія и лицъ бѣлаго духовенства г. Москвы:—П. Н. Капустина, И. Н. Рождественскаго, С. И. Зернова, И. М. Богословскаго-Платонова и Н. Ф. Доброва. Духовенство и все общество надѣется, что этотъ Комитетъ съ полнымъ безпристрастіемъ отнесется къ новому проекту, отъ котораго зависитъ судьба духовнаго образованія и самаго духовенства въ связи съ обществомъ.»—

— *Слѣдствія воздержанія отъ употребленія горячихъ напитковъ.* Пишутъ изъ Остроленскаго уѣзда въ Польскую Газету: „Благодѣтельныя слѣдствія воздержанія на нравственное и матеріальное положеніе поселянъ представляютъ наши жители, называемые курпїями. Этотъ честный народъ, отличающійся многими хорошими качествами, еще недавно былъ преданъ пьянству до такой степени, что находился

въ крайней бѣдности и нищетѣ. Два года тому назадъ усилія общества воздержанія отъ употребленія горячихъ напитковъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Помѣщики, предпочитая благосостояніе крестьянъ выгодамъ, получаемымъ отъ винокуренныхъ заводовъ, стали съ особеннымъ рвеніемъ помогать здѣшнимъ Священникамъ. И положеніе края перемѣнилось. Кто теперь путешествуетъ по деревнямъ куршевъ; не узнаетъ ихъ тотъ, такая перемѣна произошла въ селеніяхъ. Дома, строенія, огороды свидѣтельствуютъ объ увеличеніи благосостоянія жителей; самъ народъ смотритъ веселѣе, и даже школы, заведенныя во многихъ мѣстностяхъ, переполнены дѣтьми, съ любовью занимающимися ученіемъ. Провидѣніе видимо покровительствуетъ благимъ начинаніямъ.»

ОБЪЯВЛЕНІЕ

объ изданіи

ИРКУТСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

Иркутское Епархіальное Начальство начало издавать въ 1863 году «Епархіальныя Вѣдомости». Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости состоятъ изъ двухъ частей: изъ самыхъ *вѣдомостей и прибавленій* къ нимъ.

Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ выходить ежедневно по Субботамъ выпусками отъ 1 до 2 листовъ. Цѣна годовому изданію безъ пересылки 4 руб., а съ пересылкою 5 руб. Желающіе получать вѣдомости въ разрѣзанныхъ и прилично оклеенныхъ тетрадахъ, прилагаютъ къ подписной цѣнѣ 50 коп. на годъ.

Содержаніе: I. Св. Іоанна Златоустаго огласительное Слово на Св. Пасху. II. Слово о значеніи особенностей пасхальнаго богослуженія. III. Мое обращеніе въ Христіанство. IV. Замѣтки воспитателя о дѣтяхъ. V. Разныя извѣстія и замѣтки. VI. Объявленіе.

Редакторъ, Прот. Н. Думитрашко.

Печатать позволяется. Марта 28 дня 1863 г. Цензоръ, Прот. Катрановъ.

Полтава. Въ типогр. Н. Пигуренко.